

Д.С. ШЕВСКИЙ*

**ПРИЧИНЫ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА 2013–2014 гг.
МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Аннотация. Используя новейшие достижения макросоциологии, автор рассматривает внутренние причины, которые привели к кризису украинского государства в 2014 г. Кризис обусловлен такими факторами, как ослабление государства в экономическом аспекте (фискальный кризис) и конфликт элит. Недовольство части элиты в Украине было вызвано политикой, проводимой В. Януковичем, которая привела к значительному уменьшению материального состояния богатейших представителей бизнеса. Имеется множество фактов, подтверждающих, что президент действовал вопреки интересам большей части элит, что и вызвало сужение базы его поддержки. Еще одним важным компонентом, приведшим к «революции достоинства», стала массовая мобилизация недовольного населения. Главная причина, вызвавшая массовое недовольство, – обнищание населения. Это подтверждается как статистикой, так и опросами. В конце статьи кратко рассматриваются причины большой роли олигархата в украинской политике.

Ключевые слова: макросоциология; структурно-демографическая теория; государственная дезинтеграция; революция достоинства; Евромайдан.

Для цитирования: Шевский Д.С. Причины украинского кризиса 2013–2014 гг. Макросоциологическая интерпретация // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 236–263. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.13>

Анализ украинских событий конца 2013 – начала 2014 г. получил широкое распространение как в отечественной, так и в зарубежной научной среде. Значимость того, что произошло в

* **Шевский Дмитрий Сергеевич**, аспирант департамента политической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: Shevskiyd@mail.ru

Украине, не вызывает сомнений, так как данные события способствовали значительному усилению геополитического соперничества между Россией и странами Запада. Однако некоторые аспекты темы остаются слабо освещенными. Так, практически отсутствуют попытки проследить закономерности внутренней политической динамики, сделавшие возможной политическую дестабилизацию в стране. Зачастую украинские события рассматриваются вне рамок теоретических построений (в числе исключений см.: [Hale, 2015, Мацієвський, 2016]), что приводит к переоценке одних факторов и недооценке других. Сама теория помогает не только упорядочить многообразие эмпирического материала, но и более обоснованно утверждать, что выявленные факторы более значимы, чем все прочие.

Социальные науки породили не так много комплексных теорий, объясняющих универсальные причины и механизмы, приводящие к социально-политическим кризисам. Некоторые из них (например, теория рационального выбора или военно-налоговая) при проверке на конкретном фактическом материале оказываются неспособными объяснить расхождения в политической динамике в схожих условиях (см, напр.: [Lachmann, 2009]), другие же (state failure) имеют спорные основания (см, напр.: [Dingli, 2013; Eriksen, 2011]). Потому при выборе наиболее релевантных теоретических моделей необходимо опираться на те, которые были протестированы на большом фактическом материале и имеют хорошо фундаментированные теоретические основания.

Теории, созданные в рамках только политической науки, больше сосредоточены на проблемах устойчивости режимов, схожих с украинским (так называемых гибридных), нежели на универсальных закономерностях. Одной из областей знания, ставящих своей целью формулирование именно общих закономерностей политической динамики, является макросоциология. Макросоциология – «междисциплинарная область исследований, в которой посредством объективных методов социальных наук изучаются механизмы и закономерности крупных и долговременных исторических процессов и явлений, таких как происхождение, динамика, трансформации, взаимодействие, гибель обществ, государств, мировых систем и цивилизаций» [Розов, 2009, с. 151]¹. Одной из

¹ Более подробно об истории и задачах этой науки см.: [Ллахман, 2015; Smith, 1991 и др.].

наиболее теоретически выверенных теорий государственного кризиса, созданных в рамках современной макросоциологии и рассмотренных на большом количестве случаев, является структурно-демографическая теория (см., напр.: [Goldstone, 1991; Goldstone, 2017; Turchin, 2013; Turchin, Nefedov, 2009; Неведов, 2007, 2008; Турчин, 2010]). Она изначально была создана для анализа динамики аграрных государств, но стала активно применяться и для современных случаев (см., напр.: [Коротаев, Зинькина, 2011 а; Коротаев, Зинькина, 2011 б; Turchin, 2010]). В этой теории три переменных – элиты, государство и народ. Под элитами понимается малая часть населения, которая концентрирует в своих руках принудительные (исполнительные), экономические, административные и идеологические формы власти [Mann, 1987; Turchin, 2017, p. 161], а государство представляет собой автономную область, не сводящуюся ни к чьим конкретным интересам [Skocpol, 1979]. В основании теории лежит модель взаимосвязи роста населения и увеличения числа элиты, и как они влияют на государственные структуры. Однако в современных реалиях интересна вторая важная составляющая теории – взаимодействие между растущим числом представителей элит и государством, с одной стороны, и населением – с другой.

Одним из ключевых понятий структурно-демографической теории (в дальнейшем СДТ) является понятие государственной дезинтеграции (*state breakdown*), означающее «любое событие, которое включает кризис центральной власти, мятеж элит, массовые восстания и широкое распространение насилия или гражданскую войну» [Goldstone, 1991, p. 12]. Более формализованно это можно представить так [Collins, 2011, p. 578]: 1) фискальный кризис, 2) конфликт (*deadlock*) элит, 3) массовые восстания.

Почему именно эти три фактора? Фискальный (финансовый) кризис выражает слабость государства как в административном, так и в экономическом аспекте. Беднеющее государство вызывает недовольство среди части элит из-за уменьшающихся ресурсов, что приводит к конфликту. Для того чтобы увеличить свои шансы на победу, соперничающая часть элит мобилизует население для борьбы с другими представителями элит и государством.

Как показывают исследования, этих факторов оказывается достаточно, чтобы наступила государственная дезинтеграция, т.е. полномасштабный социально-политический кризис. Это означает,

что внешние влияния либо вторичны, либо опосредованы (например, вызывают фискальный кризис), а потому в рамках СДТ как отдельный фактор не рассматриваются.

Далее выясним, наблюдались ли эти три фактора в Украине в конце 2013 – начале 2014 г. Это позволит ответить на вопрос, пережила ли Украина государственную дезинтеграцию.

Фискальный кризис

Тестирование гипотезы о том, что Украина пережила государственную дезинтеграцию, стоит начать с измерения фискального (финансового) благополучия государства.

В СДТ фискальное благополучие государства (State Fiscal Distress, SFD) определяется формулой:

$$SFD = \frac{Y}{G} D ,$$

где Y – общий долг государства, G – ВВП, а D – степень недоверия граждан [Turchin, 2013, p. 247]. Эта формула означает, что сила государства определяется не только экономическими показателями, но и восприятием его населением, так как непопулярное государство будет ограничено в своих действиях. Пока опустим проблему доверия населения власти и обратимся к анализу украинского бюджета. Как показывает официальная статистика, государственный (а не валовой) долг Украины рос постоянно, но не сильно увеличивался по отношению к ВВП: с 34,7% в 2009 г. до 40,1% в 2013 г.¹ Число, конечно, не маленькое, но в сравнении с другими странами не столь критичное. Уровень государственного долга является только ярким индикатором финансового благополучия государства (и при этом не всегда однозначным), но не его причиной. Истоки фискального кризиса стоит искать в первую очередь в сфере эффективности бюджетного менеджмента.

Существуют разные подходы к анализу эффективности государственного бюджета (см., напр.: [Радионон, 2012; Радионон, 2013]),

¹ Минфин. Ставки, индексы, тарифы // Финансовый портал Минфин. 2018. – Режим доступа: <http://index.minfin.com.ua> (Дата посещения: 10.02.2019.)

и все они так или иначе свидетельствуют о провале финансовой политики как в регионах, так и в целом по стране. Как известно, Украина испытывала постоянный дефицит бюджета¹, и при этом аудит, проводимый Счетной палатой, ежегодно обнаруживал неэффективное расходование средств. Несмотря на исключение в 2011 г. одной из интереснейших частей аудита, которая наиболее полно свидетельствовала об уровне коррупции, мы можем посмотреть на процент остальных неэффективных расходов от суммы дефицита (рис. 1).

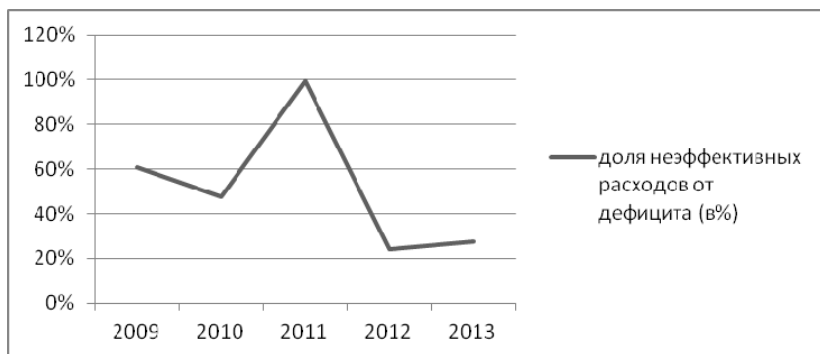

Рис. 1.

Расчит. по: Звіт Рахункової палати України за 2009–2013 рік

Данные показывают, что в 2012–2013 гг. четверть дефицита могла быть покрыта за счет неэффективно расходованных средств, а в 2011 г. размер дефицита и нерациональных трат вообще совпадают. Таким образом, даже беглый анализ показывает, что бюджет Украины был далек от того, чтобы называться эффективным, не говоря уже о нарушениях на региональном уровне [Радионов, 2012].

Теперь обратимся к проблеме доверия населения власти, но прежде стоит отметить важность этого показателя не только в аспекте фискального благополучия и, соответственно, силы государства, но для выживания государства в целом. Последняя точка, определяющая будущее системы, – это делегитимация власти, которая приводит к смене самоописания системы. Легитимность –

¹ Минфин. Ставки, индексы, тарифы // Финансовый портал Минфин. 2018. – Режим доступа: <http://index.minfin.com.ua> (Дата посещения: 10.02.2019.)

одно из ключевых понятий в политической науке, которое имеет множество подходов к определению (см., напр.: [Dogan, 2002; Weigand, 2015, p. 9–11]), однако можно вывести общий знаменатель и определить легитимность как убежденность населения в справедливости и оправданности действий политиков и существующих институтов. Здесь стоит еще подчеркнуть и проблему эффективности существующего режима, критерии которой будут варьироваться от того, что будет положено в основу определения государства [Goldstone, 2008, p. 285]. Концепт эффективности необходим ввиду того, что уровень недоверия режиму (как среди элиты, так и среди простого населения) и последующая его делигитимация могут зависеть от эффективности реализации государством своих функций. Но недоверие конкретным представителям власти не означает недоверие самому режиму, потому мы рассмотрим оба показателя.

О проблеме доверия власти и легитимности режима в 2012–2013 гг. свидетельствуют опросы¹. Во-первых, стоит отметить количество респондентов, назвавших В. Януковича главным разочарованием среди политиков 2013 г., – 35% (против 15,7% в прошлом году), а ухудшение отношения населения к власти в целом в 2013 г. отметили 68,4% респондентов (в 2012 г. – 22,4%). Наиболее яркую картину происходившей делегитимации власти дают данные, характеризующие уровень доверия к государственным институтам. Так, совсем или в основном не доверяли институту президента 61,5% опрошенных (интересно отметить, что В. Януковичу не доверяли 61,4%, что свидетельствует об отождествлении института и личности). Верховной раде (полностью или в основном) не доверяли 74,7%, а правительству – 65,8%. Вкупе с ощущением обеднения (о чем см. ниже), а также с культивируемой идеей всепроникающей коррупции и учитывая известную степень неэффективности финансового менеджмента, можно говорить о фискальном кризисе и делегитимации режима и, соответственно, о слабости государства в конце 2013 г. Но ради справедливости сто-

¹ Політичні підсумки і прогнози – загальнонаціональне опитування // Фонд демократических инициатив. 2012. – Режим доступа: <https://dif.org.ua/article/2012-politichni-pidsumki-i-prognozi-zagalnonatsionalne-opituvannya> (Дата посещения: 10.02.2019.); Громадська думка: підсумки 2013 року // Фонд демократических инициатив. – Режим доступа: <https://dif.org.ua/article/gromadska-dumka-pidsumki-2013-roku> (Дата посещения: 10.02.2019.)

ит отметить, что делегитимация не носила столь критический характер, своего пика она достигла лишь в феврале 2014 г., а потому о полной делегитимации можно говорить только по отношению к указанному периоду.

Макросоциология, нацеленная на выявление закономерностей исторической динамики, с убедительностью доказала, что делегитимация в условиях фискального кризиса не может свершиться в рамках монолитности элит по следующим причинам: 1) среди части элиты должны быть выразители дискурса «политической культуры оппозиции», 2) при слаженном действии элит восстания будут обречены на неудачу (более подробно см.: [Foran, 1997; Lachmann, 1997]). Так как факт конфликта элит в украинском обществе не вызывает сомнений, то следующим шагом тестирования гипотезы об украинской государственной дезинтеграции становится поиск причин недовольства элит действиями государства.

Конфликт элит

Рассмотрение причин конфликта элит стоит начать с характеристики особенностей структуры украинского общества, а именно с характеристики экономической элиты.

Высокой степени олигархизации украинской политики посвящено множество работ (см., напр.: [Aslund, 2014; Matuszak, 2014; Pleines, 2016; Kuzio, 2015; Kuzio, 2016] и др.), но наиболее важным аспектом политической системы является ее клановость. Исследователи выявляют различные группы интересов, одни говорят о трех группах [Matuszak, 2014, р. 13], другие о четырех [Зоткин, 2012, с. 291; Sakwa, 2015, р. 63], но основная линия соперничества проходила между двумя кланами – так называемыми днепропетровским и донецким [Marples, 2015, р. 13]. Специфика этого соперничества заключалась в том, что приход одной группы знаменовал собой отстранение от властных постов представителей другой. Если остановиться кратко на основных представителях каждой группы, то в днепропетровскую входили Л.Д. Кучма, П.И. Лазаренко, И.В. Коломойский, В.М. Пинчук, Ю.В. Тимошенко и др., а в донецкую – Н.Я. Азаров, В.Ф. Янукович, Р.Л. Ахметов и др.

Массовые кадровые изменения на высшем и региональном уровнях происходили в 2005 г. (усиление днепропетровского клана)

и в 2010 г. (приход к власти представителя донецкого клана). Такая система с некоторыми сбоями, но работала, пока В. Янукович не решил, как полагают некоторые эксперты, ослабить влияние олигархов. Практически, по единодушному мнению аналитиков, президент Украины (или его сын) пытался создать новый клан, получивший название «семья» [Pleines, 2016, p. 118; Wilson, 2014, p. 53; и др.]. Несмотря на значительную долю спекуляций и невозможность проверки данных, исследователи согласны в том, что политика «семьи» шла вразрез с интересами если не всех, то многих олигархов (см., например: [Matuszak, 2014, p. 41; Kudelia, 2014, p. 22]). Какие убедительные доказательства-примеры можно привести? Если обратиться к статистике, то окажется, что при Януковиче возрос уровень криминализации бизнеса. Так, в 2010 г. было заявлено о 75 случаях рейдерского захвата компаний, а в следующем году – уже почти 1000 [Matuszak, 2014, p. 58]. Конечно, трудно однозначно утверждать, что это результат формирования нового, президентского, клана [Rojansky, 2014, p. 423], однако цифры настолько значительны, что игнорировать их нельзя.

Могло ли получиться так, что «семья Януковича» здесь ни при чем, а все это «преференции» донецкому клану за поддержку на выборах? Есть основания полагать, что вряд ли. Так, государственные предприятия («Центрэнерго» и «Донбассэнерго») ранее закупали уголь преимущественно у госкомпании («Уголь Украины») и у частной «ДТЭК-Трејдинг», владелец которой – Р. Ахметов. С усилением власти В. Януковича государство стало закупать уголь у компаний, так или иначе связанных с его сыном, обойдя Р. Ахметова. Важно отметить, что если компания Р. Ахметова в 2013 г. предлагала государственному предприятию «Донуглереструктуризация» цену за запрашиваемый объем угля (153,5 т) в 92 млн грн., то связанная с А. Януковичем компания выиграла тендер с ценой 221 млн грн. Этот факт не может не свидетельствовать о том, что государство шло против интересов богатейшего жителя страны и главного спонсора правящей партии¹. Среди 15 глав министерств, назна-

¹ Александр Янукович подбрасывает угля // Forbes. 2013. – Режим доступа: <http://forbes.net.ua/nation/1346029-aleksandr-yanukovich-podbrasyvaet-uglya> (Дата посещения: 10.02.2019.); Как госкомпания купить уголь втрое дороже рынка и избежать ответственности // Forbes. – 2013. – Режим доступа: <http://forbes.net.ua/nation/1351200-kak-goskompanii-kupit-ugol-vtroe-dorozhe-rynka-i-izbezhat-otvetstvennosti> (Дата посещения: 10.02.2019.)

ченных В. Януковичем в конце 2012 г., связанных с «семьей» было семь, и только четыре были связаны с Р. Ахметовым¹.

Помимо этого, с избранием нового президента усилилось преследование представителей оппозиционного клана. В этом контексте часто вспоминают арест Ю. Тимошенко, но ведь были еще и арест бывшего главы МВД Ю.В. Луценко, заместителя министра юстиции Е.В. Корнейчука, председателя таможенной службы А.В. Макаренко и др.

В СДТ потенциал элитной мобилизации (Elite Mobilization Potential, EMP) описывается формулой:

$$EMP = \epsilon^{-1} \frac{E}{sN},$$

где ϵ^{-1} означает относительный обратный доход элиты (относительно ВВП на душу населения), E – количество элиты, а sN – число государственных служащих от общего населения [Turchin, 2013, p. 247]. Важнейшим фактором, определяющим потенциал мобилизации среди элиты в этой формуле, является ее доход.

Несмотря на то что есть методики, позволяющие оценить как доходы элит, так и их количество, проблема украинского случая не только в том, что некоторые данные недоступны, но и в том, что коренные изменения происходили в период президентства В. Януковича (т.е. всего три года), а это означает, что макротенденции найти сложно.

Наиболее презентабельными в данном контексте становятся данные, иллюстрирующие положение политико-экономических элит.

Для анализа воспользуемся таблицей, представленной политологом Хайко Пляйнесом. Она состоит из имен 29 олигархов, т.е. богатых людей, оказывающих влияние на политику ([Pleines, 2016], о методике подсчета см.: [Pleines, 2016]). Если оставить только тех, кто был и до прихода к власти В. Януковича (таких оказалось 14), то выяснится, что их совокупное состояние (по данным Forbes) уменьшилось с 30 млрд 290 млн долларов в 2011 г. до 29 млрд 738 млн в 2013 г. Более того, из тех девяти олигархов, состояние которых уменьшилось, шесть очевидно были так или ина-

¹Сферы влияния в новом Кабинете министров // Forbes. 2012. – Режим доступа: <http://forbes.net.ua/nation/1344643-sfery-vliyaniya-v-novom-kabinete-ministrov> (Дата посещения: 10.02.2019.)

че связаны с официальной властью. В то же самое время состояние сына президента Александра Януковича выросло с 99 млн долл. в 2012 г. до 187 млн долл. к апрелю следующего года, а в ноябре 2013 г. уже составляло 510 млн, т.е. увеличилось за полгода почти на 173%¹.

Таким образом, очевидно, что причины для конфликта элит против государства имели под собой достаточно сильные основания. Формирование нового «клана» – приближенных к президенту людей, перенаправление денежных потоков в сторону «семьи» [Wilson, 2014, p. 54–58], достаточно жесткие действия в отношении представителей оппозиции и уменьшение богатства среди традиционной политико-экономической элиты не могли не вызвать сильного недовольства положением дел. По факту сужалась база бенефициаров правящего режима [Aslund, 2015, p. 90; Kudelia, 2014, p. 22; Wilson, 2014, p. 53].

Но конфликт элит не означает автоматической мобилизации населения на протесты. Чтобы население вышло на улицы с требованиями, нужно его недовольство. СДТ говорит об обнищании населения как об одном из ключевых факторов, вызывающих массовое недовольство властью (см., напр.: [Turchin, 2009]). Наблюдалось ли оно в Украине перед кризисом 2014 г.?

Массовое недовольство населения

В СМИ активно постулировалась идея, что важнейшими факторами недовольства простого населения, приведшими к мобилизации, были олигархизация страны и фактическое ухудшение жизни. При ближайшем рассмотрении эти два тезиса не выглядят столь убедительно. Например, известный британский политолог Ричард Саква, не приводя никаких доказательств, пишет, что сто человек в Украине владели около 80–85% всего богатства страны [Sakwa, 2015, p. 61]. Логично предположить, что имеется в виду суммарное состояние сотни богатейших людей Украины в процентном отношении к ВВП, но соответствуют ли оценки Саквы

¹ Капитал Януковича-младшего вырос втрое 2013. Forbes. – 2013. – Режим доступа: <http://forbes.net.ua/news/1360500-kapital-yanukovicha-mladshhego-vyugos-vtroe> (Дата посещения: 10.02.2019.)

официальным данным? Согласно списку Forbes за 2013 г.¹, суммарное состояние сотни богатейших украинцев составляло примерно 55,245 млрд долл., а ВВП на тот же год – примерно 183,31 млрд долл.², что составляет 30%. Цифра, конечно, не маленькая, однако это не 80–85%.

Еще одним показателем социального расслоения может служить индекс Джини, рассчитывающий степень распределения доходов (или, в некоторых случаях, потребительских расходов) между отдельными лицами или домохозяйствами в рамках экономики: чем он ниже, тем меньшее неравенство в стране. Оказывается, что индекс Джини для Украины достаточно низкий – 24,6 на 2013 г. (для сравнения: в России на тот же год – 40,9, США – 41)³.

Схожие результаты дает и предварительный анализ официальной статистики относительно благосостояния населения [Коротаяев, 2014; Цирель, 2015]. Так, наблюдался рост ВВП, зарплат и доходов, на нулевом уровне была инфляция, более того, «явные доказательства роста социальной несправедливости во время правления В. Януковича трудно найти» [Цирель, 2015, с. 58]. Таким образом, некоторые исследователи отказывают фактору экономического неблагополучия в статусе причины украинской революции 2014 г. [Hale, 2015, p. 234].

Но настолько ли благополучно жила Украина перед кризисом? Как оказалось, даже исходя из официальной статистики, можно найти свидетельства обратного: так, есть основания полагать, что инфляция была, причем достигала 6–14% [Цирель, 2015, с. 63]. Если рассмотреть в сравнении соотношения роста общих доходов, расходов на товары и услуги, а также рост налогов в процентном отношении к прошедшему году (рис. 2), то окажется, что рост цен товаров и услуг и уровень взимаемых налогов шли быстрее, чем росли доходы. Более наглядно увидеть реальную картину можно, если посмотреть на сумму в процентах, оставшуюся после приобретения товаров и услуг, а также после уплаты налогов (рис. 3).

¹ 100 богатейших – 2013 // Forbes. 2013. – Режим доступа: <http://forbes.net.ua/business/1351729-100-bogatejshih-2013> (Дата посещения: 10.02.2019.)

² World Bank. 2018. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=UA> (Дата посещения: 10.02.2019.)

³ World bank. 2018. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=UA-RU-US> (Дата посещения: 10.02.2019.)

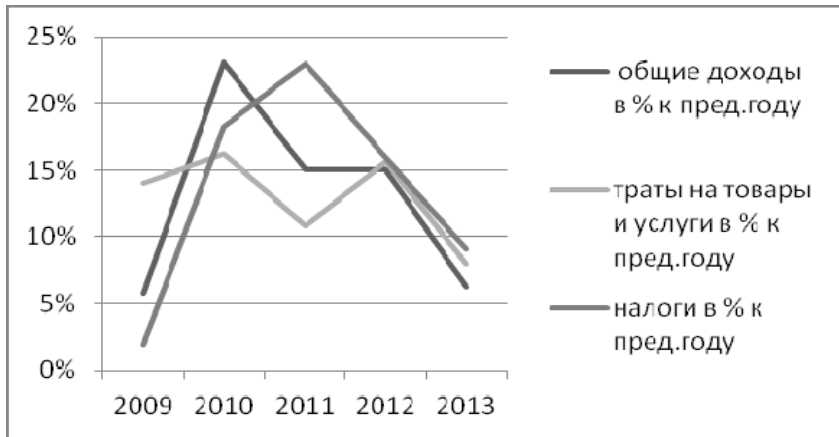

Рис. 2.

Источник: Статистическая информация // Государственная служба статистики Украины. 2018. – Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua> (Дата посещения: 10.02.2019.)

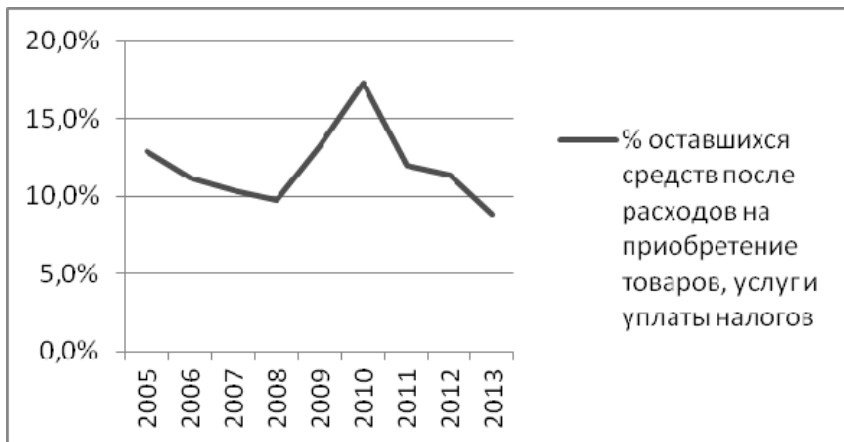

Рис. 3.

Источник: Статистическая информация // Государственная служба статистики Украины. 2018. – Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua> (Дата посещения: 10.02.2019.)

Но даже не это столь важно, как ожидания населения, которые, как демонстрируют данные опросов, становятся хуже у небогатых слоев населения (табл. 1).

Таблица 1

**Ожидания населением изменения
собственного благосостояния**

Самооценка респондентами материального положения семьи	Ожидаемая субъективная мобильность на ближайшие полгода		
	Существенных изменений не произойдет	Благосостояние вырастет	Благосостояние снизится
Выше среднего	57	39	4
Среднее	54	11	35
Ниже среднего	46	5	49
Низкое	28	5	67

Данные опроса за 2011 г. Источник: [Цирель, 2015, с. 78].

Опросы также свидетельствуют не только о заниженных ожиданиях, но и о том, что в конце 2013 г. более половины населения считало, что семейный материальный достаток снизился¹. Такие субъективные оценки отлично согласуются с данными официальной статистики, приведенными ранее.

Указанные выше данные позволяют утверждать, что в Украине накануне 2014 г. наблюдалась относительная депривация, т.е. ожидания населения расходились с реальностью [Davies, 1962]. Т.Р. Гарр [Гарр, 2005, с. 108] предложил формулу, чтобы приблизительно оценить уровень депривации и вызываемого этим недовольства (гнева) населения:

$$\frac{V_e - V_c}{V_s},$$

где V_e означает желаемую позицию, а V_c – достижимую (реальную).

За желаемую позицию, оценивая материальное положение, можно принять достаточный ежемесячный доход, а за реальную,

¹ Громадська думка: підсумки 2013 року // Фонд демократических инициатив. – Режим доступа: <https://dif.org.ua/article/gromadska-dumka-pidsumki-2013-roku> (Дата посещения: 10.02.2019.)

соответственно, фактический [Моніторинг, 2015]. Результат представлен на рис. 4.

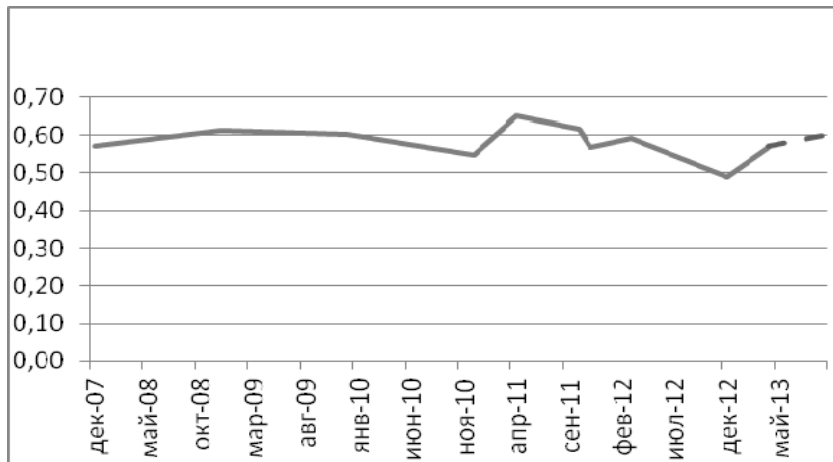

Рис. 4.
**Уровень экономической депривации
украинского населения 2007–2013 гг.¹**

Официальные данные показывают, что уровень депривации перед избранием В. Януковича был достаточно высок, и когда он подскочил в 2011 г., то это было не столь заметно, как в 2013 г., после устойчивого снижения уровня расхождения между реальностью и желаемым.

Все эти данные позволяют говорить о том, что, несмотря на внешнее благополучие украинской экономики, подспудно наблюдались как понижательные тенденции, так и пессимистические настроения вкуче с фактическим уменьшением количества свободных средств у простого населения.

Также при более детальном рассмотрении оказывается, что и не все столь благополучно с уровнем олигархизации в стране. На-

¹ Пунктиром отмечен рассчитанный доход, так как за сентябрь 2013 г. приведены данные только по расходам, а не по доходу. Так как в среднем в 2013 г. сумма доходов превышала расходы на 8,9%, то именно через это число и был восстановлен размер дохода.

пример, состояние десяти богатейших украинцев в 2013 г. составляло 17% всего ВВП страны¹. Это означает, что, имея такие колоссальные ресурсы, олигархи могли создавать монополии, влиять на экономику в целом и, соответственно, на политику (более подробно это будет рассмотрено ниже).

В целом пока получается такая картина предпосылок «революции достоинства», приведших к государственной дезинтеграции:

- государственный долг (более трети от всего ВВП),
- низкая эффективность государственных расходов,
- ухудшение материального состояния значительной части экономических элит,
- сужение базы бенефициаров режима,
- низкий уровень доверия к режиму и к государственным институтам в целом,
- рост ощущений экономической неудовлетворенности среди населения.

Соответственно, как и прогнозирует СДТ, государственная дезинтеграция была неизбежна, однако теория не дает ответа на вопрос, по каким конкретным линиям произойдет назревающий конфликт и какой именно дискурс станет мобилизующим для населения.

Раскол в украинском обществе

Линия раскола прошла по вопросу о том, с кем должна быть интеграция – с Россией или Западом, но предпосылки массовой мобилизации оформились гораздо раньше.

Как свидетельствовали результаты выборов 2010 и 2012 гг., страна явно была расколота на две части, которые условно можно разделить на «западную», настроенную против официальной власти, и «восточную», поддерживавшую В. Януковича и «Партию регионов» [Marples, 2015, p. 13; Petro, 2015, p. 21; Исаев, Коротаев, 2015]. Западные регионы больше тяготели к тесному взаимодей-

¹ 100 богатейших – 2013 // Forbes. 2013 – Режим доступа: <http://forbes.net.ua/business/1351729-100-bogatejshih-2013> (Дата посещения: 10.02.2019.); World Bank. – 2018. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=UA> (Дата посещения: 10.02.2019.)

вию с ЕС и США и говорили преимущественно на украинском, в то время как восточные регионы во многих аспектах были близки к России и их основным языком общения был русский. Региональный раскол выражался не только в языковой и культурной сфере, но и в экономической. Так, на востоке Украины доминировал крупный бизнес, а на западе – средний и мелкий [Kuzio, 2015, p. 87–88]. Это связано с тем, что восток страны был преимущественно индустриальным, а запад ориентировался в первую очередь на сельское хозяйство, что, естественно, нашло выражение и в доходах населения. Для сравнения: в пяти западных областях (Львовской, Закарпатской, Ивано-Франковской, Волынской и Черновицкой) средний доход населения составил в 2013 г. 38 298 грн., медиана – 29 102 грн., в то время как в пяти восточных областях (Харьковской, Луганской, Донецкой, Днепропетровской и Запорожской) – 103 300 грн., по медиане – 91 333 грн¹.

Такой раскол проявлялся и раньше («оранжевая революция»), но в конце 2013 г. он явил себя с новой силой. Как известно, на конец ноября 2013 г. было запланировано подписание договора об ассоциации с Европейским союзом, но 21 ноября украинское правительство объявило о решении отложить это мероприятие. Изначально против такого решения выступила преимущественно молодежь («студенческий лагерь»), что отлично объясняется одним из постулатов СДТ. Теория утверждает, что основной силой революционного движения является молодежь («youth bulge»), более того, науке уже давно известно, что, во-первых, население столицы всегда настроено оппозиционно по отношению к существующей власти и, во-вторых, одним из главных движителей протеста выступает именно студенчество [Хантингтон, 2004]. После того как протесты практически угасли к 29 ноября, в связи с тем, что именно на это время было запланировано подписание договора, и когда на площади практически никого не оставалось, власть решила разогнать оставшихся участников силовым способом. На следующий день на центральную площадь вышли, по разным оценкам, от сотни до нескольких сотен тысяч людей. И уже здесь отчетливо проявился упомянутый географический раскол

¹ Статистическая информация // Государственная служба статистики Украины. 2018. – Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua> (Дата посещения: 10.02.2019.)

Украины. На начало декабря 2013 г. выходцы из Западной Украины на майдане составляли 51,8% против 17,3% с востока страны (остальные – Центральная Украина)¹. В силу упомянутых культурных традиций именно Западная Украина, тяготеющая к Западной Европе, стала главным противником решения В. Януковича приостановить интеграцию с Европейским союзом, а после стала выдвигать и более радикальные требования, включающие и отставку действующего президента.

Возникает закономерный вопрос: если с предпочтениями западных регионов страны практически все ясно, то почему остальная часть Украины, включая заметную долю и востока, также выступила против В. Януковича? Точного ответа на данный вопрос дать нельзя, однако можно предположить, что благодаря пропаганде будущего реального или мнимого благополучия, которое реализуется в стране после начала тесного сотрудничества с Западной Европой, люди активно начали в это верить. Но после активного культивирования идеи о будущем счастье для страны внезапно руководство объявило, что этот процесс откладывается на неопределенное время. Трансляция идей о благости евроинтеграции осуществлялась через подконтрольные олигархам средства массовой информации. Трудно сказать, чего именно хотели олигархи от Европы, но одно из возможных объяснений – это получение надежных прав собственности.

В итоге получается достаточно логичная в своей последовательности картина – олигархи были активно связаны с режимом, а после того как он перестал считаться с их интересами, они мобилизовали уже созревшее недовольное население на борьбу с ним.

Как мы видим, применение структурно-демографической теории в целом дает вполне убедительную картину о причинах кризиса в Украине в конце 2013 – начале 2014 г. и позволяет обосновать тезис, что страна в этот период пережила государственную дезинтеграцию. Но за рамками данного исследования остался еще один, пожалуй, ключевой вопрос: как в принципе получилось так, что олигархи играли столь значительную роль в государстве и, не-

¹ Від Майдану – табору до Майдану – січі: що змінилося? – 2014. – Режим доступа: <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=226> (Дата посещения: 10.02.2019.)

смотря на относительно устойчивые институты власти, оказались, по факту, сильнее государства, что даже смогли его разрушить?

Отношения государства и частного бизнеса

Сложившиеся в Украине практики взаимодействия экономических элит и государства, как мы уже писали ранее, были ориентированы в первую очередь на обслуживание интересов олигархов, по крайней мере до 2011 г. С одной стороны, довольно типичная ситуация для современных политических систем, но с другой – многие существующие подходы к этой проблеме движутся в бинарном ключе – либо сильное государство, либо «захват государства» («state capture»). При этом сильное государство (что бы это ни значило) полагается потенциальным условием для гарантии прав собственности и всеобщего процветания (см., напр.: [Тилли, 2007]), однако такие потенции не везде реализуются. Другие же подходы, выполненные, например, в рамках теории неинституционализма (Асемоглу, Робинсон, Норт и др.), будь то теории государств открытого или закрытого доступа, с инклюзивными или эксклюзивными институтами, также не имеют успеха в объяснении причин различной политической динамики в рамках одного типа государств. Так, например, используя упомянутые теории неинституционализма, Украина и Россия оказываются на одном полюсе (в различной степени), однако совершенно очевидно, что политическая динамика этих стран кардинально различается. С одной стороны, мы имеем достаточно неустойчивое и слабое государство, с другой – относительно сильное государство и высокую степень стабильности. Ответ на вопрос, что имеет Россия такого, чего не имеет Украина, лежит в плоскости взаимоотношений государства и экономических элит. Есть теории патримониализма в различных его вариациях (о развитии и критике этого концепта см., напр.: [Erdman, Engel, 2007; Fisun, 2012; Пуйн, 2015]). Обобщенно, не вдаваясь в дискуссии, мы можем определить патримониализм как политическую систему, в которой доминируют клиентелизм и патронализм при рационально-бюрократическом фасаде. Но и здесь мы наблюдаем схожую картину, как при использовании ранее упомянутых теорий – режимы Украины и России подчинены одной и той же логике и одним и тем же механиз-

мам функционирования. Однако даже если и в рамках неопатриониального правления вводятся различия, позволяющие объяснить разницу между политической динамикой Украины и России, то их истоки видятся только в политической плоскости (см. одну из последних крупных работ в этой области: [Hale, 2015]). Теория, которая объяснит различную политическую динамику внешне схожих стран, может быть построена только на синтезе различных подходов и с преодолением классической дихотомии, существующей в упомянутых теориях. Прежде всего, мы предлагаем трактовать государство, как это и принято в макросоциологии, в рамках центрированной на государстве теории (state-centered theory) [Skocpol, 1979, p. 24–32; Collins, 1999, p. 19–37] как организацию, интересы которой не сводятся к интересам господствующих групп, в первую очередь экономических. Различная динамика Украины и России в XXI в., при значительной схожести во многих частных аспектах, обусловлена тем, что значительные экономические ресурсы концентрируются либо в руках государства, либо в руках экономических элит. Приведем яркий и характерный пример: согласно данным Forbes¹, на долю выручки десяти крупнейших частных предприятий Украины в 2012 г. приходилось 27% (26,78%) от ВВП страны за тот же год, а на сотню – уже 72% (71,79%). В России же в 2017 г.² на выручку 100 крупнейших частных предприятий приходилось 33% (32,57%) от ВВП страны, зато на выручку 10 государственных предприятий³ – 22%. О чем говорят эти цифры? О том, что капитал украинской экономической элиты был сильно концентрированным, имея такие материальные ресурсы, они могли оказывать значительное влияние на политику государства. Здесь уместно указать на способ взаимодействия как внутри самих государственных структур, так и экономических элит с государством. Как подчеркивалось нами ранее, отношения носили патрон-клиентский характер. Учитывая опыт СССР и некоторых

¹ 200 крупнейших компаний – 2013 // Forbes. 2013. – Режим доступа: <http://forbes.net.ua/magazine/forbes/1359184-200-krupnejshih-kompanij-2013> (Дата посещения: 10.02.2019.)

² 200 крупнейших частных компаний России // Forbes. 2018. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/rating/367067-200-krupneyshih-rossijskih-chastnyh-kompaniy-2018-reyting-forbes> (Дата посещения: 10.02.2019.)

³ The World's Largest Public Companies // Forbes. 2018. – Режим доступа: <https://www.forbes.com/global2000/list/> (Дата посещения: 10.02.2019.)

постсоветских стран, мы можем сформулировать следующие категории анализа в рамках патримониальных отношений.

– Сильное государство – политически стабильное и со значительной степенью сплоченности административных элит.

– Слабое государство – политически неустойчивое с разобщенными административными элитами.

– Сильные экономические элиты – значительная концентрация ресурсов в руках узкой группы людей.

– Слабые экономические элиты – отсутствует значительная концентрация ресурсов среди узкой прослойки населения.

В итоге мы можем составить такую таблицу (табл. 2).

Таблица 2

Варианты взаимодействия элит и государства

	<i>Сильное государство</i>	<i>Слабое государство</i>
Сильные элиты	Пат	«Захват государства»
Слабые элиты	Доминирование бюрократии	Неустойчивое развитие

Патовая ситуация, как правило, складывается редко, и возможны два варианта – взаимные уступки и в итоге развитие демократии, либо победа одной из сторон.

«Захват государства» – то, что А. Фисун называет олигархическим неопатримониализмом, т.е. влияние узких групп с рентоориентированным поведением [Фисун, 2012, р. 94].

Доминирование бюрократии – засилье представителей силовых структур, государство вмешивается в частный бизнес (особенно крупный).

Неустойчивое развитие – слабые экономические и государственные структуры, что приводит к конфликтам и криминализации ввиду недостаточной силы государства принуждать. Данная ситуация близка к тому, что Чарльз Тилли назвал «демократическим государством с низким потенциалом» [Тилли, 2007, с. 37].

В Украине, как мы видим, сложилась ситуация второго типа, там экономические элиты активно влияли на политику. Однако В. Янукович попытался освободиться от их влияния, но вместо попытки усиления государственных структур (как это произошло в России), он попытался создать свой клан. Примеры «неожиданного» резкого увеличения состояния приближенных к президенту (и не только сына, но и, например, молодого С. Курченко)

подтверждают такую трактовку. Однако «семье» не удалось переподчинить себе средства массовой информации, которые находились в руках соперников или оппонентов, которые и стали главным механизмом для массовой мобилизации. Сейчас трудно сказать, произошло бы нечто подобное, не будь идеи подписания Соглашения, однако все сказанное ранее позволяет с большой долей вероятности утверждать, что это был лишь повод, а не реальная причина.

Заключение

Украина на протяжении правления В. Януковича переживала устойчивый фискальный кризис, выражавшийся в постоянном дефиците бюджета, неэффективности расходов и росте долга на фоне сокращения золотовалютных резервов. Это сопровождалось ростом недовольства и обнищанием населения, которого, на первый взгляд, в стране не было, так как официальная статистика всячески пыталась это скрыть. Достаточно агрессивная политика президента, нацеленная, по всей видимости, на ослабление традиционных групп влияния, вызвала в итоге и их недовольство. Благодаря концентрации экономических и информационных ресурсов в руках олигархов, против которых действовал В. Янукович, они смогли мобилизовать население на борьбу с режимом. Государство в том состоянии, в котором оно было при Януковиче, ничего не могло противопоставить олигархам, так как было значительно слабее их, в первую очередь в экономическом измерении. Таким образом, конфликт элит, вызванный уменьшением получаемых ими ресурсов из-за действий формирующейся новой элиты, привел к массовой мобилизации населения для борьбы с режимом. Население активно поддержало эту борьбу, так как для этого уже сложились условия (обнищание и формирование нового дискурса). Конечным результатом всего этого процесса стало не только бегство В. Януковича, но и делегитимация режима в целом. В итоге в феврале и марте 2014 г. Украина сильно изменилась по сравнению с предшествующим периодом: значительно изменилось самописание политической системы, произошла территориальная дезинтеграция, а также падение экономики. Все вышеприведенные факты позволяют с большой долей уверенности

сказать, что Украина пережила полномасштабную государственную дезинтеграцию (state breakdown) в 2014 г.

За рамками исследования остался один важный аспект проблематики – внешние влияния как со стороны России, так и со стороны ЕС и США. Как было сказано во введении, этот фактор был опущен по причине того, что он носит второстепенный характер, так как рассмотренных в статье причин вполне достаточно для комплексного объяснения кризиса, однако внешние влияния придали некоторую специфику политической динамике Украины, а потому требуют отдельного исследования.

Список литературы

- Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
- Зоткин А.А.* Государственная власть и политические элиты Украины в контексте отношений между центром и регионами // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». – СПб.: Интерсоцис, 2012. – С. 286–306.
- Исаев Л.М., Кортаев А.В.* Украинская мозаика. Опыт количественного анализа украинской избирательной статистики // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – М., 2015. – № 8. – С. 91–110.
- Кортаев А.В., Зинькина Ю.В.* Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. Окончание // Азия и Африка сегодня. – М., 2011 б. – № 7. – С. 15–21.
- Кортаев А.В., Зинькина Ю.В.* Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. Часть 1 // Азия и Африка сегодня. – М., 2011 а. – № 6. – С. 10–16.
- Кортаев А.В.* О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года // Историческая психология и социология истории. – М., 2014. – № 1. – С. 56–74.
- Лакман Р.* Что такое историческая социология? – М.: Дело, 2015. – 240 с.
- Мацієвський Ю.В.* У пастці гібридності: зигзаги трансформацій політичного режиму в Україні (1991–2014). – Чернівці: Книги – XXI, 2016. – 552 с.
- Моніторинг соціально-економічних очікувань населення за підсумками 2014 р. – Києва: ДУ Інститут економіки та прогнозування НАН України, 2015. – 20 с. – Дата посещения: <http://ief.org.ua/wp-content/uploads/2015/02/Monitoring-soc-ec-ochikuvan-naselennya-2014.pdf> (Режим доступа: 22.05.2019.)
- Нефедов С.А.* Концепция демографических циклов. – Екатеринбург: Изд. УГГУ, 2007. – 141 с.
- Нефедов С.А.* Факторный анализ исторического процесса. История Востока. – М.: Издательский дом Территория будущего, 2008. – 753 с.

- Радионов Ю.Д.* Оценка эффективности государственных расходов // Экономика Украины. – Киев, 2013. – № 12. – С. 76–87.
- Радионов Ю.Д.* Основные виды и суть бюджетных нарушений // Экономика Украины. – Киев, 2012. – № 8. – С. 55–63.
- Розов Н.С.* Историческая макросоциология: Становление, основные направления исследований и типы моделей // Общественные науки и современность. – М., 2009. – № 2. – С. 151–161.
- Тилли Ч.* Демократия. – М.: ИНОП, 2007. – 263 с.
- Турчин П.В.* Историческая динамика: На пути к теоретической истории. – М.: ЛКИ, 2010. – 368 с.
- Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- Цурель С.* К истокам украинских революционных событий 2013–2014 гг. // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Украинский разлом. – М.: Учитель, 2015. – С. 57–84.
- Aslund A.* Oligarchs, Corruption, and European Integration // Journal of Democracy. – Baltimore, MD, 2014. – Vol. 25, N 3. – P. 64–73.
- Aslund A.* Ukraine: What Wrong and How to Fix It. – Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2015. – 318 p.
- Collins R.* Macro-History: Essays in Sociology of the Long Run. – Stanford: Stanford Univ. press, 1999. – 312 p.
- Collins R.* Explaining the anti-Soviet revolution by state breakdown theory and geopolitical theory // International Politics. – L., 2011. – N 48(4/5). – P. 575–590.
- Davies J.* Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. – Menasha, Wis., 1962. – N 27. – P. 5–19.
- Dingli S.* Is the failed state thesis analytically useful? The case of Yemen // Politics. – Wiley, 2013. – N 33(2). – P. 91–100.
- Dogan M.* Conceptions of Legitimacy // Encyclopedia of Government and Politics. – Taylor & Francis e-Library, 2002. – Vol. 1. – P. 116–128.
- Erdmann G., Engel U.* Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept // Commonwealth & Comparative Politics. – 2007. – Vol. 45, N 1. – P. 95–119.
- Eriksen S.S.* «State Failure» in Theory and Practice: The Idea of the State and the Contradictions of State Formation // Review of International Studies. – Cambridge, 2011. – N 1. – P. 229–247.
- Fisun O.* Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective // Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. – Washington, DC, 2012. – N 20. – P. 87–96.
- Foran J.* Discourses and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions // Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches / Ed. by J. Foran. – L.: Routledge, 1997. – P. 197–220.
- Goldstone J.* Pathways to State Failure // Conflict Management and Peace Science. – California, 2008. – N 25. – P. 285–296.
- Goldstone J.A.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. – Berkeley, CA: University of California Press, 1991. – 608 p.

- Goldstone J.A. Demographic Structural Theory: 25 Years On // *Cliodynamics*. – California, 2017. – N 82. – P. 85–112.
- Hale H. Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2015. – 538 p.
- Ilyin M. Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? // *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. – Münster, 2015. – Vol. 18, N 1. – P. 26–51.
- Kudelia S. The House That Yanukovych Built // *Journal of Democracy*. – Baltimore, MD, 2014. – N 3. – P. 19–34.
- Kuzio T. Ukraine: Democratization, Corruption, and the New Russian Imperialism. – Santa Barbara: Praeger, 2015. – 611 p.
- Kuzio T. Oligarchs, the Partial Reforms Equilibrium, and the Euromaidan Revolution // *Beyond the Euromaidan: Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine*. – Stanford: Stanford univ. press, 2016. – P. 181–203.
- Lachmann R. Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin // *Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches* / Ed. by J. Foran. – L.: Routledge, 1997. – P. 71–98.
- Lachmann R. Greed and Contingency: State Fiscal Crises and Imperial Failure in Early Modern Europe // *American Journal of Sociology*. – Chicago, 2009. – Vol. 115, N 1. – P. 39–73.
- Mann M. The Sources of Social Power. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1987. – Vol. 1: A History of Power From the Beginning to A.D. 1760. – 560 p.
- Marples D. Ethnic and Social Composition of Ukraine's Regions and Voting Patterns // *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*. – Bristol, UK, 2015. – P. 9–18.
- Matuszak S. The oligarchic democracy. The influence of business groups on Ukrainian politics. – Warsaw: Center for Eastern Studies, 2014. – 113 p.
- Petro N. Understanding the Other Ukraine: Identity and Allegiance in Russophone Ukraine // *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*. – Bristol, UK, 2015. – P. 19–35.
- Pleines H. Oligarchs and Politics in Ukraine // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. – Washington, DC, 2016. – N 24. – P. 105–127.
- Pleines H. 2016 Dataset on Ukrainian oligarchs 2000–2016 as of 17 August 2016. – Режим доступа: <http://www.forschungsstelle.uni-bremen.de/UserFiles/file/table-oligarchs-overview.xls> (Дата посещения: 10.02.2019.)
- Rojansky M.A. Corporate Raiding in Ukraine: Causes, Methods and Consequences // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. – Washington, DC, 2014. – N 3. – P. 411–444.
- Sakwa R. Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands. – L.: Tauris, 2015. – 347 p.
- Skocpol T. States and Social Revolutions. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1979. – 407 p.
- Smith D. The Rise of Historical Sociology. – Philadelphia: Temple univ. press, 1991. – 231 p.
- Turchin P. Political instability may be a contributor in the coming decade // *Nature*. – L., 2010. – N 463. – P. 26–32.

- Turchin P.* Modeling Social Pressures Toward Political Instability // *Cliodynamics*. – California, 2013. – N 4(2). – P. 241–280.
- Turchin P.* Wealth Democracy and Ukraine II. – Mode of access: <https://evolution-institute.org/blog/wealth-and-democracy-in-ukraine-ii/> (accessed: 10.02.2019.)
- Turchin P., Gavrilets S., Goldstone J.A.* Linking micro to macro models of state breakdown to improve methods for political forecasting // *Cliodynamics*. – California, 2017. – N 82. – P. 159–181.
- Turchin P., Nefedov S.* *Secular Cycles*. – Oxford; Princeton: Princeton univ. press, 2009. – 360 p.
- Weigand F.* Investigating the Role of Legitimacy in the Political Order of Conflict-torn Spaces // Working Paper SIT/WP/04/15. – 2015. – Mode of access: <http://www.securityintransition.org/wp-content/uploads/2015/04/Legitimacy-in-the-Political-Order-of-Conflict-torn-Spaces.pdf> (accessed: 22.05.2019.)
- Wilson A.* *Ukraine Crisis: What it Means for the West*. – Totton, Hampshire: Yale univ. press, 2014. – 248 p.

D.S. Shevsky*

**The causes of the Ukrainian crisis 2013–2014.
Macrosociological interpretation**

Abstract. The article is devoted to the case study of Ukraine 2014 as an example of state breakdown. To reveal some regularities in this process macrosociological theories were employed in the research. The crisis happened under the condition of weak state (in economic dimension) and intra-elite conflict. The conflict within the elite was caused by discontent due to Yanukovych politics which led to the depletion of wealth among the traditional elites and first of all among business groups. One else necessary condition for a state breakdown is mass mobilization. A preliminary analysis of the population welfare based on the official statistics does not demonstrate sources for mass dissatisfaction: incomes of the population were grown and that the inflation rate was at zero level. On closer examination of these dates, it turned out that there were lots of evidences that Ukraine had seen in 2010–2013 the population immiseration. The last condition for successful mass mobilization is mobilizing discourse. The discourse was directed against the postponed signing of the agreement on a European association which was carried forward by the disgruntled oligarchs and broadcasted through mass-media. The last part considers why Ukrainian oligarchs could exert influence on politics.

Keywords: macrosociology; structural-demographic approach; state collapse; laws of history; revolution of Dignity; Euromaidan.

For citation: Shevsky D.S. The causes of the Ukrainian crisis 2013–2014. Macrosociological interpretation. *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 236–263. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.13>

* **Dmitry S. Shevsky**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: Shevskiyd@mail.ru

References

- Aslund A. Oligarchs, Corruption, and European Integration. *Journal of Democracy*. Baltimore, MD, 2014, Vol. 25, N 3, P. 64–73.
- Aslund A. *Ukraine: What Wrong and How to Fix It*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2015, 318 p.
- Collins R. Explaining the anti-Soviet revolution by state breakdown theory and geopolitical theory. *International Politics*. 2011, N 48 (4/5), P. 575–90.
- Collins R. *Macro-History: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford: Stanford univ. press, 1999, 312 p.
- Davies J. Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review*. 1962, N 27, P. 5–19.
- Dingli S. Is the failed state thesis analytically useful? The case of Yemen. *Politics*. 2013, N 33 (2), P. 91–100.
- Dogan M. *Conceptions of Legitimacy. Encyclopedia of Government and Politics, Volume I*. Taylor & Francis e-Library, 2002, P. 116–128.
- Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. *Commonwealth & Comparative Politics*, 2007, Vol. 45, N 1, P. 95–119.
- Eriksen S.S.. «State Failure» in Theory and Practice: The Idea of the State and the Contradictions of State Formation. *Review of International Studies*. Cambridge, 2011, N 1, P. 229–247.
- Fisun O. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective. *Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2012, N 20, P. 87–96
- Foran J. Discourses and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions. In: *Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches*. Ed. by J. Foran. L.: Routledge, 1997, P. 197–220.
- Garr T.R. *Why do people rebel*. St. Petersburg: Piter, 2005, 461 p. (In Russ.)
- Goldstone J.A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press, 1991, 608 p.
- Goldstone J.A. Demographic Structural Theory: 25 Years On. *Cliodynamics*. 2017, N 82, P. 85–112.
- Goldstone J. Pathways to State Failure. *Conflict Management and Peace Science*. 2008, N 25, P. 285–296.
- Hale H. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2015, 538 p.
- Huntington S. *Political Order in Changing Societies*. Moscow: Progress-Tradition, 2004, 480 p. (In Russ.)
- Ilyin M. Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. LIT Verlag Münster, 2015, Vol. 18, N 1, P. 26–51.
- Isaev L.M., Korotaev A.V. Ukrainian mosaic Experience in quantitative analysis of Ukrainian electoral statistics. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 2015, N 3, P. 91–110. (In Russ.)

- Korotaev A.V., Zinkina Yu.V. Egyptian Revolution, 2011. Structural and demographic analysis. Ending. *Asia and Africa today*. 2011 b, N 7, P. 15–21. (In Russ.)
- Korotaev A.V., Zinkina Yu.V. Egyptian Revolution, 2011. Structural and demographic analysis. Ending. Part 1. *Asia and Africa today*. 2011 a, N 6, P. 10–16. (In Russ.)
- Korotayev A.V. Possible psycho-economic factors of the 2014 Ukrainian revolution. *Historical Psychology & Sociology*. 2014, N 1, P. 56–74. (In Russ.)
- Kudelia S. The House That Yanukovich Built. *Journal of Democracy*. MD, 2014, N 3, P. 19–34.
- Kuzio T. *Oligarchs, the Partial Reforms Equilibrium, and the Euromaidan Revolution. Beyond the Euromaidan: Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine*. Stanford: Stanford univ. press, 2016, P. 181–203.
- Kuzio T. *Ukraine: Democratization, Corruption, and the New Russian Imperialism*. Santa Barbara: Praeger, 2015, 611 p.
- Lachmann R. Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin. In: *Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches*. Ed. by J. Foran, L.: Routledge, 1997, P. 71–98.
- Lachmann R. Greed and Contingency: State Fiscal Crises and Imperial Failure in Early Modern Europe. *American Journal of Sociology*. 2009, Vol. 115, N 1, P. 39–73.
- Lahman R. *What is historical sociology?* Moscow: Delo, 2015, 240 p. (In Russ.)
- Mann M. *The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power From the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge: Cambridge univ. press, 1987, 560 p.
- Marples D. Ethnic and Social Composition of Ukraine's Regions and Voting Patterns. In: *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*. UK Bristol, 2015, P. 9–18.
- Matuszak S. *The oligarchic democracy. The influence of business groups on Ukrainian politics*. Warsaw: Center for Eastern Studies, 2014, 113 p.
- Matytsevsky Yu.V. *Trap Hybrid: Zigzag Transformation of the Political Regime in Ukraine (1991–2014)*. Chernivtsi: Books – XXI, 2016, 552 p. (In Ukrainian).
- Monitoring of socioeconomic expectations of the population based on the results of 2014*. Kiev: DU Institute of Economics and Forecasting of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2015. (In Ukrainian).
- Nefedov S.A. *Factor analysis of the historical process. History of the East*. Moscow: Publishing House Territory of the Future, 2008, 753 p. (In Russ.)
- Nefedov S.A. *The concept of demographic cycles*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UGMU, 2007, 141 p. (In Russ.)
- Petro N. Understanding the Other Ukraine: Identity and Allegiance in Russophone Ukraine. In: *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*. UK Bristol, 2015, P. 19–35
- Pleines H. 2016 Dataset on Ukrainian oligarchs 2000–2016 as of 17 August 2016. Mode of access: <http://www.forschungsstelle.uni-bremen.de/UserFiles/file/table-oligarchs-overview.xls> (accessed: 10.02.2019.)
- Pleines H. Oligarchs and Politics in Ukraine. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2016, N 24, P. 105–127.
- Radionov Yu.D. Evaluation of the effectiveness of public spending. *Economy of Ukraine*. 2013, N 12, P. 76–87. (In Ukrainian)

- Radionov Yu.D. The main types and essence of budgetary violations. *Economy of Ukraine*. 2012, N 8, P. 55–63. (In Ukrainian)
- Rojansky M.A. Corporate Raiding in Ukraine: Causes, Methods and Consequences. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2014, N 3, P. 411–444.
- Rozov N. Stages of Historical Macro Sociology. *Social sciences and contemporary world*. 2009, N 2, P. 151–161. (In Russ.)
- Sakwa R. *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. L.: Tauris, 2015, 347 p.
- Skocpol T. *States and Social Revolutions*. N.Y.: Cambridge univ. press, 1979, 407 p.
- Smith D. *The Rise of Historical Sociology*. Philadelphia: Temple univ. press, 1991, 231 p.
- Tilly Ch. *Democracy*. Moscow: INOP, 2007, 263 p. (In Russ.)
- Tsirel S. To the origins of the Ukrainian revolutionary events of 2013–14. In: *System monitoring of global and regional risks. Ukrainian fault*. Moscow: Teacher, 2015, P. 57–84. (In Russ.)
- Turchin P. Modeling Social Pressures Toward Political Instability. *Cliodynamics*. California, 2013, N 4 (2), P. 241–280.
- Turchin P. Political instability may be a contributor in the coming decade. *Nature*. 2010, N 463, P. 26–32.
- Turchin P. *Wealth Democracy and Ukraine II*. Mode of access: <https://evolution-institute.org/blog/wealth-and-democracy-in-ukraine-ii/> (accessed: 10.02.2019.)
- Turchin P., Gavrilets S., Goldstone J.A. Linking micro to macro models of state breakdown to improve methods for political forecasting. *Cliodynamics*. 2017, N 82, P. 159–181.
- Turchin P., Nefedov S. *Secular Cycles*. Oxford; Princeton: Princeton univ. press, 2009, 360 p.
- Turchin P.V. *Historical Dynamics: Towards a theoretical history*. Moscow: LKI, 2010, 368 p. (In Russ.)
- Weigand F. Investigating the Role of Legitimacy in the Political Order of Conflict-torn Spaces. *Working Paper SiT/WP/04/15*. 2015. Mode of access: <http://www.securityintransition.org/wp-content/uploads/2015/04/Legitimacy-in-the-Political-Order-of-Conflict-torn-Spaces.pdf> (accessed: 22.05.2019.)
- Wilson A. *Ukraine Crisis: What it Means for the West*. Totton, Hampshire: Yale univ. press, 2014, 248 p.
- Zotkin A.A. State power and political elites of Ukraine in the context of relations between the center and regions. In: *Power structures and domination groups: Materials of the tenth All-Russian seminar Sociological problems of power institutions in the Russian transformation*. St. Petersburg: Intersotsis, 2012, P. 286–306. (In Russ.)